

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночь. Волшебная ночь. Печальная ночь. Сумасшедшая, таинственная и безумная. После нее наступает другая ночь. И кажется, она никогда не закончится. На самом же деле иногда ночь кончается слишком быстро.

А это мои подруги. Ну и классные они у меня! Неутомимые, как Ондэ*. Ни на минуту не затихают. Самое страшное, что случается, — это когда кто-нибудь из нас всерьез влюбляется.

— Эй, меня подождите!

Ники осматривает подружек с ног до головы. Они остановились на улице Джуоки Истмичи. Их крошечная Аіхат припаркована к обочине, стекла опущены, музыка — на полную громкость, а сами они изображают дефиле мод.

— Ну, давай, давай!

Олли как заведенная ходит взад-вперед по тротуару. Музыка включена на полную мощь, на Олли — солнечные очки по последней моде. Ни дать ни взять Пэрис Хилтон. Где-то вдали лает собака. А вот идет Эрика, наш главный заводила. Она достает четыре бутылки «Короны», приставляет крышки к краю ограды и, резко ударив по ним, открывает одну за другой. Вынимает из рюкзака лимон и разрезает на дольки.

— Эй, Эрика, а если тебя засекут с этим ножом? Он как, не больше четырех пальцев?

* В итальянском тексте: ONDE — волны и одновременно аббревиатура имен четырех подруг — Олли, Ники, Дилетты и Эрики. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Ники, смеясь, помогает подруге. Она кидает по ломтику лимона в каждую бутылку пива, и — дзинь! — они громко чокаются, высоко подняв руки. И улыбаются друг другу и, мечтательно прикрыв глаза, пьют свое пиво. Ники допивает первую. Глубокий вздох, и вот она снова в форме. Классные у меня подруги; она вытирает рот. Здорово, когда есть на кого положиться. Она слизывает последнюю каплю пива.

— Девчонки, вы просто супер... А знаете что? Мне хочется любви.

— Скажи лучше — тебе хочется трахаться.

— Какая же ты пошлая, — вступается Дилетта, — она сказала, что хочет любви.

— Да, любви, — повторяет Ники, — тайны, волшебства; тебе этого не понять...

Олли пожимает плечами.

Да, думает Ники. Я хочу любви. Но мне всего лишь семнадцать, в мае будет восемнадцать. Время еще есть...

— Подождите, подождите, теперь я выступаю, эй...

И Ники грациозно скользит по тротуару — по этой импровизированной ковровой дорожке, а подруги, свистя и хохоча, веселятся, глядя на эту удивительную, великолепную пантеру, которая пока еще ни на кого не спикировала.

— Любовь моя, ты дома? Извини, что не предупредил...

Алессандро входит и осматривается. Он пришел специально, чтобы увидеть ее, но в то же время боясь застать ее не одну. Слишком давно они не занимались любовью. А когда нет секса, часто это означает одно: появился кто-то третий. Алессандро обошел весь дом: никого; более того, пропали кое-какие вещи. Господи, неужели воры? На столике — записка. Ее почерк.

«Алексу. Я тебе в холодильнике оставила немного еды. Звонила в офис, хотела предупредить, но мне сказали, что ты уже ушел. Может, ты хотел застукать меня. Нет, к сожалению, застукать меня не с чем. Я ушла. Ушла, и все тут. Прошу тебя, не ищи меня, по крайней мере первое время. Спасибо. Уважай мои решения, как я всегда уважала твои. Елена».

Нет, Алессандро кладет записку обратно на стол, никаких воров не было. Это она. Это она украла мою жизнь, мое сердце. Это она-то говорит, что всегда уважала мои решения. Да какие там решения? Он проходит из комнаты в комнату. Шкафы пусты. Какие решения? Даже в квартире я никогда по-настоящему не был хозяином.

Алессандро замечает мигающий автоответчик. Может, передумала? Решила вернуться? Полный надежды, нажимает на кнопку.

«Привет, как ты? Давно тебя не слышно... Так не годится. Почему бы вам с Еленой как-нибудь вечерком не зайти к нам поужинать? Мы были бы очень рады! Позвони мне, как сможешь, пока!»

Алессандро стирает сообщение. Я бы тоже был рад, очень рад, мама. Но, боюсь, теперь придется ходить к тебе на ужин одному. А ты будешь выпрашивать у меня: ну когда же вы с Еленой поженитесь? Чего вы ждете? Смотри, как здорово, — у твоих сестер уже детки. А ты, когда же ты нам подаришь внуков? А я даже не знаю, что ответить. Наверное, не решусь сознаться, что Елена ушла. И что-нибудь сокру. Врать маме. Это, понятно, очень плохо. К тому же когда тебе тридцать шесть, в июне будет тридцать семь... Действительно, очень плохо, что тут скажешь...

Часом раньше.

Стефано Маскани аккуратен почти во всем. Но только не со своей машиной. Audi 4 Station Wagon, набирая скорость, входит в поворот в конце улицы Гольф и въезжает на Джуоки Истмичи. На заднем стекле красуется сделанная кем-то надпись: «Помой меня. У слона задница и то чище». А на боковом стекле: «Нет, лучше не мой меня. Я обросту мхом, и ты положишь его в рождественские ясли». Остальной кузов настолько запылен, что лишь кое-где проблескивает серебристый металл. С задней полки сползла папка, набитая бумагами, пластиковая бутылка упала и закатилась под переднее сиденье и теперь находится в опасной близости к сцеплению.

Обертки от карамелек высовываются из пепельницы и сияют всеми цветами радуги. Не очень-то романтично.

Вдруг в багажнике раздается глухой звук. Черт, упал, так я и знал. Вот блин. Не могу же я ехать к ней в такой машине. Карлотта сразу вызовет дезинфекторов и больше не захочет иметь со мной дела. Некоторые люди утверждают, что машина — зеркало ее владельца. Как собака.

Стефано подъезжает к мусорным бакам и выключает мотор. Быстро выходит из машины. Открывает багажник. Его ноутбук почему-то перевернут: наверное, на повороте выскокил из открывшейся сумки. Он вынимает его, осматривает со всех сторон: кажется, цел. Только болтик на мониторе немного ослаблен. Ладно, все не так страшно. Он кладет его в сумку. И снова садится за руль. Оглядывает салон. Кривит рот: из заднего кармана соседнего сиденья торчит огромный полупустой мешок из супермаркета с остатками провизии, купленной в субботу. Стефано вытаскивает его и быстро бросает туда все, что попадается ему под руку. Набивает мешок доверху. Потом выходит, снова открывает багажник, вынимает ноутбук и ставит его у мусорного бака. Убедившись, что он не качается, принимается доставать из багажника ненужные, давно забытые там вещи. Старый мешок, чехол для дисков, три банки из-под пива, сломанный зонт, пустая обувная коробка, свалявшийся шарф. Набив мешок, идет к бакам. Разумеется, надо выбрать подходящий... Стекло, пластик, бумага, утильсырье. Ну и ну. Какие они правильные тут. И куда все это бросить? У меня здесь все перемешано. Так. Вот тот серый, похоже, то, что надо. Стефано подходит и нажимает ногой на педаль. Крышка резко открывается. Ящик набит под завязку. Стефано пожимает плечами, закрывает его и ставит мешок на землю. Садится в машину. Снова оглядывается по сторонам. Вот так-то лучше. Хотя нет, надо бы еще на мойку заехать. Он смотрит на часы: нет-нет, слишком поздно, Карлотта уже ждет. А на первое свидание опаздывать нельзя. Стефано закрывает багажник, снова садится за руль и заводит мотор. Вставляет диск. Рахманинов, Третий концерт для фортепьяно

с оркестром. Отлично. Теперь все прекрасно. Когда Карлотта увидит, что я слушаю Третий концерт Рахманинова, она выпадет в осадок. Сцепление. Первая скорость. Газ. Он трогается с места. Классная ночь. И машину он водит тоже классно.

Двухцветный кот с любопытством выглядывает из кустов. Дождавшись, когда машина скроется из виду, одним точным прыжком он оказывается у мусорных бачков и, мягко ступая, неторопливо начинает их исследовать. Что-то привлекает его внимание. Он подходит ближе. И, потираясь боком о край контейнера, принохивается. Он уже несколько раз обошел ноутбук и один раз даже оцарапал ухо о его край. Вот уж действительно какой-то странный мусор.

Из колонок маленькой Aіxam несется музыка.

— А теперь Наоми!

— Сейчас я вам покажу!.. — Ники улыбается, Дилетта отпивает глоток пива.

— Слушай, тебе и впрямь надо было бы пойти в модели.

— Еще годик, и она растолстеет...

— Олли, ну что ты все подначиваешь... Тебе не в кайф, что у меня так классно получается? Да ладно тебе, мы же знаем, что все равно лучше всех эта, как ее?..

— Алекс Джонсон.

— Ух ты, да у нас сегодня просто классное дефиле получилось! Смотрите, я тоже иду... — И Олли вышагивает по тротуару, поставив руку на правый бок, останавливается, чуть согнув ногу и уставившись прямо перед собой. Потом разворачивается, быстрым движением отбрасывает назад волосы и идет обратно.

— Ой, ты прямо профи! — Девчонки хлопают в ладоши.

— Модель номер четыре, Олимпия Крочетти!

И они начинают петь песню Алекс Джонсон, кто лучше, кто хуже, кто-то действительно знает слова, кто-то просто подпевает: «I know how this all must look / Like a picture ripped from a storybook / I've got it easy / I've got it made...» Они допивают пиво.

— Валентино, Армани, Дольче и Габбана, все, показ закончен. Если захотите дать мне заказы, вы знаете, где меня найти! — Олли раскланивается перед всеми Ондэ. — Слушайте, мне тут надоело, давайте куда-нибудь двинем!

— Поехали в Эур* ну или там, не знаю, в «Аляску»**. Да, давайте что-нибудь замутим!

— Да мы уже и так замутили! Нет, девчонки, мне надо домой. Завтра у меня опрос: не подготовлюсь — мне крышка. Мне нужно на пятерку с половиной вытянуть***.

— Ну что ты за зануда! Мы же не допоздна! И потом, ты же можешь завтра пораньше встать и все быстро повторить, ведь так?

— Нет, мне нужно поспать, я уже три вечера из-за вас поздно прихожу, а я ведь не железная!

— Вот именно, тебя ткнешь — и ты развалишься! Ну ладно, иди куда хочешь, а мы поедем. Завтра увидимся!

И вот они расходятся: кто куда. Три подружки отправляются навстречу приключениям, четвертая — домой. На тротуаре так и остались стоять четыре бутылки, пустые, как ракушки, выброшенные на пляж приливом. Смотрите-ка, какой после себя бардак оставили... Ну ладно, я тоже что-то разворчалась... И она собирает бутылки. Оглядывается. Невдалеке, освещенные фонарями, выстроились в ряд мусорные бачки. Хотя бы есть зеленый для стекла. Да уж, народ пошел... никакого порядка. Посмотрите-ка, сколько полиэтиленовых мешков разбросано... неужели так трудно разделять мусор? Неужели непонятно: будущее планеты в наших руках? Она бросает бутылки в круглое отверстие бачка. А пробки? Куда, интересно, их надо бросать? Они-то не стеклянные... может, туда же, куда и жестянки? Вообще-то могли бы повесить таблички сверху. С красивыми рисунками. Так, пробки сюда. Она закрывает крышку и давится от смеха. Какая там у Граучо**** шутка была? Ах да...

* Район на юге Рима.

** Кафе-мороженое в Риме.

*** В итальянских школах десятибальная система.

**** Граучо Маркс (1890—1977) — американский комик.

«Пап, там мусорщик пришел!» — «Скажи ему, что нам ничего не нужно!»

Точным броском она кидает еще и конверт, выпавший из контейнера. И тут видит его. Медленно подходит ближе. Не может быть. Именно то, что мне нужно. Вот что значит любить порядок.

Немного позже. Ночь. Резко тормозит машина. Из нее выскакивает водитель и смотрит по сторонам. Он похож на героя вестерна. Разве что только стрелять ему не придется. Он внимательно осматривает землю рядом с баком. Заглядывает сзади, сверху, снизу, осматривает сантиметр за сантиметром. Нет. Его больше нет. «Не может быть. Не может быть. Здесь никто никогда не убирает, никому нет дела до мусора, он валяется здесь веками. И надо же, именно сегодня сюда занесло какого-то гребаного чистюлю... Да еще и Карлотта дала от ворот поворот: она, видите ли, уже влюблена. В другого...»

Но Стефано Маскани еще не знает, что благодаря своей потере однажды он станет самым счастливым на свете.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спустя два месяца. Или около того.

Поверить не могу. Просто не могу поверить. Алессандро меряет шагами квартиру. Вот уже два месяца прошло, а он все понять не может. Елена меня оставила. И самое ужасное — она сделала это без всякой на то причины. По крайней мере, мне она эту причину так и не объяснила. Алессандро высовывается из окна и смотрит на улицу. Звезды. Какие красивые. Сияют себе в ночном небе. Такие далекие. Проклятые звезды. Он выходит на террасу. Все отделано деревом, железные решетки, в углах — великолепные старинные вазы. Легкие длинные занавески дымчатого цвета, сквозь них здорово смотреть на восход и закат солнца.

— А-а-а-а, — неожиданно у Алессандро вырывается дикий крик, — а-а-а! — Где-то он читал, что в таких случаях надо выкрикаться.

— Эй, ты там, заканчивай! — Какой-то тип высовывается с террасы напротив. Резко присев, Алессандро прячется за калдкой с жасмином. — Ну, так ты закончишь там, нет? И нечего прятаться, мы же не в кошки-мышки играем!

Алессандро чуть отодвигается, прячется в тень.

— Бляха, я все равно вижу тебя, слушай, я тут кино смотрю, если хочешь поорать, иди прогуляйся...

Тип возвращается в квартиру и громко задвигает жалюзи, а потом еще и занавески задергивает. И снова наступает тишина. Алессандро, все так же пригнувшись, тихо проходит в комнату.

Апрель. Сейчас у нас апрель. И что-то нервы расшатались. А тут еще этот жлоб... Я устроил себе аттик над квартирой, и надо же! — единственный в округе жлоб оказался напротив меня. Звонит домашний телефон. Алессандро перебегает через гостиную и с надеждой устремляется к телефону. Гудок. Еще один. Включается автоответчик. «Это номер 0680854...» и дальше: «Оставьте ваше сообщение...» А вдруг это она? Алессандро нетерпеливо придвигается к автоответчику. «...после звукового сигнала». Он закрывает глаза.

«Алекс, милый, это я, мама. Да что это с тобой? Ты даже на мобильник не отвечаешь».

Алессандро идет к дверям, надевает куртку, берет ключи от машины и «моторолу». И, не дослушав сообщение от матери, захлопывает дверь.

«Ну, так что? — продолжает звучать голос в автоответчике. — Почему бы на следующей недельке тебе не прийти к нам поужинать? Может, с Еленой зайдете? Я тебе уже говорила, мне было бы приятно... Мы уже столько времени не виделись...»

Но слова эти повисли в воздухе: он уже стоит перед лифтом. Не могу я сознаться матери, что мы с Еленой расстались. Маразм какой-то. Двери лифта открываются. Он заходит и улыбается своему отражению в зеркале. И нажимает на кнопку. В таких случаях немного иронии не повредит. Скоро мне тридцать семь, а я снова один. Странно. Другие мужики только о том и мечтают. Снова стать холостыми и развлечься на все

сто. Или начать новую любовную историю. Да уж. Но, сам не знаю почему, мне это как-то не катит. Что-то мешает. Последнее время Елена была какой-то странной. Может, у нее кто-то появился? Нет, она бы сказала. Ладно, неохота об этом думать. Вот почему я ее и купил. Дрррнн! Алессандро заводит свою новенькую машину. Mercedes-Benz ML 320 Cdi. Последняя модель. Новый джип, блестящий, без единого пятнышка, — он купил его месяц назад, чтобы заглушить боль, причиненную Еленой. Вернее, чтобы подавить «жестокое презрение», которое его тогда охватило. Алессандро трогается. И вдруг в голове его всплывает одно воспоминание. Это был их последний вечер. Они собирались пойти в кино, и, когда за минуту до выхода Елене кто-то позвонил, она сбросила вызов. И с улыбкой объяснила: «Это по работе. Не хочу отвечать...» А я улыбнулся ей в ответ. Какая у Елены была чудная улыбка... Почему — была? У нее чудная улыбка. И он через силу улыбается. А машина на полной скорости вписывается в поворот. И снова в голову приходит воспоминание. На этот раз — покруче. Ему врезался в память тот их разговор. Черт, прямо как будто это было вчера.

Однажды вечером, через неделю после того, как Алессандро обнаружил ту злополучную записку, он вернулся домой чуть раньше обычного. И застал ее дома. Полный радостной надежды, он улыбнулся ей и счастливым голосом произнес:

— Ты вернулась...

— Нет, я просто зашла по пути.

— И что теперь?

— Я уйду.

— Как это — уходишь?

— Так — уйду. Послушай, Алекс, так будет лучше, поверь мне.

— А как же наш дом, наши вещи, фотографии наших путешествий?

— Я все это оставляю тебе.

— Я имел в виду — как ты могла все это забыть!

— Я не забыла, зачем так говоришь?

— Потому что ты уходишь.

— Да, ухожу, но я ничего не забыла.

Алессандро встает. Обнимает ее и прижимает к себе, даже не пытаясь поцеловать: это было бы слишком.

— Прошу тебя, Алекс... — Елена закрывает глаза и высвобождается из его объятий. Вздохнув, она говорит: — Прошу тебя, Алекс...пусти меня.

— Но куда ты уходишь?

Уже в дверях Елена бросает на него последний взгляд.

— У тебя есть другой мужчина?

Елена, покачав головой, горько усмехается:

— Ты, как всегда, ничего не понял, Алекс... — и закрывает за собой дверь.

— Надо просто немного подождать, слышишь? Останься, черт возьми, не уходи! — Слишком поздно. За дверью — мертвая тишина. — Блин! Ты заслужила мое жестокое презрение! — кричит он ей вслед. И сам не понимает, что это за фраза такая. Жестокое презрение. Да уж. Это вырвалось само собой, просто чтобы выкрикнуть что-то ей вслед, что-то обидное, какую-нибудь эффектную фразу, с каким-то подтекстом. Которого на самом деле нет.

Еще один поворот. Нет, эта машина просто класс, ничего не скажешь. Алессандро ставит диск. Поворачивает ручку громкости. Ничего не поделаешь: когда в нашей жизни чего-то не хватает, надо эту пустоту чем-нибудь заполнить. Хотя, когда уходит любовь, заполнить ее нечем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В тот же час, в том же городе, только чуть дальше.

— Отойди, дай посмотреть, как он на мне сидит!

— Да не смей ты меня! Ты похожа на Чарли Чаплина!

Олли, в синем отцовском костюме размеров на пять больше, прохаживается взад-вперед по ковру в комнате матери.